

Любимый детектив
Английской королевы

Перри – царствующая королева викторианского детектива.

People

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое убийство
вкуче с постыдным социальным казусом – и она напишет
такой викторианский детектив, которому позавидовал бы
сам Диккенс.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан
Дойля может так красочно воспроизвести атмосферу
викторианского Лондона, так точно прорисовать его
детали и воссоздать настроение той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю от Энн Перри, вы
можете смело рассчитывать на то, что она будет превосходна.

The San Diego Union Tribune

Серия о Шарлотте и Томасе Питт

Призрак с Кейтер-стрит
Находка на Калландер-сквер
Туман над Парагон-уок
Воскрешение на Ресуррекшн-роу
Вор с Рутленд-плейс
Утопленник из Блюгейт-филдс
Смерть в Поместье Дьявола
Натюрморт из Кардингтон-кресент
Тишина в Хановер-клоуз
Казнь на Вестминстерском мосту
Пожар на Хайгейт-райз
Скандал на Белгрейв-сквер
Невидимка с Фэрриерс-лейн
Палач из Гайд-парка
Врата изменников
Душитель из Пентекост-элли
Бомба в Эшворд-холле

Серия об инспекторе Монке

Чужое лицо
Опасная скорбь
Предательство по любви
Смерть внезапна и страшна

Энн
Терри

Смерть внезапна
и страшна

Москва

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Anne Perry
A SUDDEN FEARFUL DEATH
Copyright © 1993 by Anne Perry

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Павла Трофимова*

Перри, Энн.

П27 Смерть внезапна и страшна / Энн Перри ;
[пер. с англ. Ю. Р. Соколова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с. — (Любимый детектив Английской королевы).

ISBN 978-5-699-97769-7

Смерть – частая гостья в лондонском Королевском госпитале. Но убийство произошло в этих стенах впервые... Задушена Пруденс Бэрримор, лучшая медсестра госпиталя, которая спасала раненых еще во времена Крымской войны. Кому была нужна смерть сестры милосердия? За ответом на этот вопрос член попечительского совета Калландра Дэвьет обратилась к своему давнему знакомому, бывшему полицейскому, а ныне частному сыщику Уильяму Монку. Помогать ему взялась мисс Лэттерли, которая тоже была медсестрой в Крыму и хорошо знала погибшую. Их частное расследование определило круг лиц, имевших мотивы для убийства. И это очень взволновало миссис Дэвьет – потому что в число подозреваемых попал хирург госпиталя, в которого она давно влюблена...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Соколов Ю. Р., перевод
на русский язык, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97769-7

*Посвящаю Элизабет Суини
ради нашей дружбы,
за терпение и снисходительность
к моему почерку*

Сегодня в ночь или завтра в ночь
Бледный придет садовник — и прочь...
А сорванный цвет умирает, Йасмин.

Джеймс Элрой Флеккер «Гассан»

Глава 1

Когда она вошла в комнату, Уильям Монк подумал, что его ожидает очередная мелкая домашняя кража или нудное выяснение характера и перспектив жениха. Не то чтобы детектив хотел отказаться от подобной работы — этого он просто не мог себе позволить. Его благодетельница, леди Калландра Дэвбет, предоставляла сыщику достаточно средств, чтобы он мог снять квартиру и ел по крайней мере два раза в день. Но его честь и гордость требовали использовать каждую подвернувшуюся возможность, чтобы заработать себе на жизнь.

Новая клиентка была изящно одета, и на голове у нее красовался хорошенький опрятный капор. Широкий кринолин, весьма женственный, подчеркивал высокую грудь и узкие плечи незнакомки. пышная юбка делала ее хрупкой и очень молодой, хотя ей было уже под тридцать. Нынешняя мода определенно льстила всем дамам, порождая у большей части мужчин галантные чувства и желание защищать их.

— Мистер Монк? — нерешительно спросила женщина. — Мистер Уильям Монк?

Он привык к тому, что, впервые встречаясь с ним, люди испытывают волнение. Для них не так просто обратиться за помощью к частному детективу, и делают они это по причинам весьма личного характера.

Сыщик поднялся на ноги и попытался изобразить на лице улыбку — приветливую, но без фамильярности. Подобное всегда давалось ему с трудом: ни черты лица, ни натура Уильяма не были приспособлены к этому.

— Да, мэм, прошу вас, садитесь. — Он указал клиентке на одно из двух кресел, добавленных к обстановке его квартиры Эстер Лэттерли — иногда его подругой, иногда противницей, а нередко (хотел он того или нет) помощницей. Но какими бы ни были их отношения, по крайней мере за кресла Монк был ей благодарен.

Придерживая на плечах шаль, женщина присела на самый краешек кресла, выпрямив спину как по линейке. С заметным напряжением на хорошеньком личике она подняла на детектива прекрасные газельи глаза.

— Чем я могу вам помочь? — Он устроился в кресле напротив, откинувшись назад и положив ногу на ногу.

Прежде Уильям служил в полиции, но конфликт с начальством вынудил его оставить службу. Резкий, дотошный, бескомпромиссный, он не позволял людям чувствовать себя непринужденно в его присутствии, не давал им даже просто следовать своим привычкам. Искусству ладить с окружающими этот человек научился с большим трудом, да и то лишь по необходимости.

Клиентка закусила губу и глубоко вздохнула, прежде чем приступить к делу.

— Меня зовут Джулия Пенроуз, а если точнее — миссис Одли Пенроуз. Я живу с мужем и младшей се-

строй на южной стороне Юстон-роуд. — Она помедлила, словно место ее жительства значило что-то само по себе и собеседник должен был это понять.

— Очень приятный район, — кивнул Монк.

Подобный адрес говорил о том, что она занимает достаточно скромный дом с небольшим садиком и двумя-тремя слугами. Итак, речь, скорее всего, пойдет о домашней краже или о женихе сестры, вызвавшем кое-какие сомнения.

Посетительница опустила глаза, рассматривая свои руки — маленькие, крепкие, в аккуратных перчатках — и, очевидно, пытаясь найти нужные слова.

Терпение сыщика лопнуло.

— Так что же смущает вас, миссис Пенроуз? Если вы будете молчать, я ничем не смогу вам помочь.

— Да-да, я знаю, — ответила дама негромко. — Но мне нелегко приступить к делу, мистер Монк. Я понимаю, что попусту трачу ваше время и приношу извинения...

— Ну что вы... — бросил хозяин дома недовольным тоном.

Блеснув глазами на бледном лице и сделав над собой усилие, женщина наконец выговорила:

— Моя сестра... подверглась насилию, мистер Монк. Я хочу найти виновного.

Увы, дело оказалось вовсе не пустяковым.

— Весьма прискорбное событие, — сказал детектив абсолютно искренне.

Не было нужды спрашивать, почему его гостя не обратилась в полицию. Объявить о случившемся значило погубить репутацию сестры. Мнение общества о женщине, в любой степени подвергшейся сексуальным домогательствам, менялось от похотливого любопытства до непреклонной уверенности в том, что

она в известной мере сама навлекла на себя подобную участь. Даже сама жертва вне зависимости от обстоятельств нередко ощущала, что каким-то неведомым ей путем виновата в том, что произошло, поскольку с ни в чем не повинной особой подобное несчастье случиться не может. Возможно, сейчас причина визита Джулии к частному сыщику была такой же.

— Я хочу, чтобы вы узнали, кто это был, мистер Монк, — вновь проговорила клиентка, прямо поглядев на него.

— Ну, а если я сделаю это, миссис Пенроуз, как вы поступите? — спросил Уильям. — Раз вы не обратились в полицию, значит, не хотите доводить дело до суда.

Посетительница побледнела еще больше.

— Нет, конечно же, нет, — глухо вымолвила она. — Вы же понимаете, к чему может привести разбирательство. Это может оказаться еще хуже самого события... при всем ужасе создавшегося положения... — Она покачала головой. — Нет, я этого не хочу. Вы же знаете, что подумают люди...

— Да, — торопливо ответил Монк. — Кроме того, в случае отсутствия значительного ущерба шансы на обвинительный приговор невелики. Какие телесные повреждения нанесены вашей сестре, миссис Пенроуз?

Женщина опустила глаза, на щеках у нее выступил слабый румянец.

— Ничего серьезного... такого, что могло бы послужить доказательством. — Голос ее сделался еще тише. — Вы, конечно, понимаете, что я предпочла бы... не обсуждать столь деликатный вопрос.

— Понимаю. — Детектив и в самом деле прекрасно понимал ее и в то же время испытывал сомнения, что молодая женщина действительно подверглась нападению, а не придумала отговорку для сестры, чтобы

оправдать нарушение ею принятых моральных норм. Впрочем, он искренне сочувствовал сидящей перед ним даме. Что бы ни произошло, уж она-то наверняка пережила трагедию!

Посетительница поглядела на него с робкой улыбкой.

— Вы можете помочь нам, мистер Монк? Во всяком случае... хотя бы в пределах моих возможностей? Я сэкономила часть средств, выделенных мне мужем на одежду, и могу выплатить вам до двадцати фунтов. — Она явно не хотела ни оскорбить его, ни попасть в затруднительное положение, но не знала, как это сделать.

Монк почувствовал укол жалости, что случилось с ним довольно редко. Он часто видел страдания в куда более грубой форме, чем в данном случае, а поэтому давно исчерпал отпущенные природой резервы сочувствия, сохраняя рассудок за привычной яростью. Гнев был той пружиной, что заставляла его действовать: он старался прогнать его только к концу рабочего дня, чтобы можно было прийти домой и спокойно лечь спать.

— Этих денег вполне достаточно, — сказал Уильям. — Я постараюсь либо найти виновного, либо доказать, что сделать это невозможно. Полагаю, вы расспрашивали сестру и она не сумела дать вразумительный ответ?

— Да, именно так, — ответила Джулия. — По вполне естественным причинам ей трудно вспомнить обстоятельства происшествия... Милостивая природа помогает нам забывать слишком ужасные переживания.

— Вы правы, — сказал Монк с горькой усмешкой, причину которой его собеседница не могла знать.

Почти год назад, летом 1856 года, перед концом Крымской войны, экипаж, в котором он ехал, перевер-

нулся на улице. Уильям очнулся в госпитале на узкой серой кушетке, решив, что попал в рабочий дом. Он забыл даже собственное имя. Причиной амнезии был удар по голове, но когда память начала возвращаться, принося обрывки воспоминаний, его охватил черный ужас. Страшась узнать о себе что-то такое, чего он не вынесет, Монк не осмелился расспрашивать тех, кому было хорошо известно его прошлое, особенно своих сотрудников в полиции. Лишенный памяти детектив не найдет работу и делается слишком уязвимым! А рабочий дом был таким кошмаром, что многие предпочитали умереть с голоду, чем попасть туда...

Шаг за шагом лишившийся памяти мужчина потихоньку восстановил свое прошлое, но многое так и осталось ему неизвестным. Он лишь догадывался о некоторых обстоятельствах своей жизни, однако не помнил их. Из того, что ему удалось узнать, вытекало, что такого человека, каким он был прежде — жестокого, честолюбивого и откровенного, — мало кто мог любить; сыщик опасался новых подробностей своей жизни. Поэтому он знал, как важно бывает забыть то, с чем не могут смириться разум и сердце.

Женщина глядела на него с удивлением и легкой тревогой.

— Конечно, миссис Пенроуз, это естественно, что ваша сестра могла забыть о столь ужасном событии, — поспешно объяснил Уильям. — Вы говорили ей, что намереваетесь посетить меня?

— О, да, — тут же кивнула клиентка. — Ведь вести расследование за ее спиной просто не имеет смысла. Она отнюдь не обрадовалась, но согласилась, что другого способа у нас нет. — Миссис Пенроуз чуть подавалась вперед. — Скажу вам откровенно, мистер Монк, мне показалось, что она вздохнула с облегчением,

узнав, что я не собираюсь обращаться в полицию, а потому приняла мое решение без малейших возражений.

Детективу уже давно перестали льстить подобные комплименты.

— Так, значит, она не откажется встретиться со мной? — тут же спросил он.

— Нет. Но я попросила бы вас проявить максимальную настойчивость. — Джулия слегка покраснела и опустила глаза. Ее лицо отличалось тонкими, благородными чертами, но слабости в нем не было. — Видите ли, мистер Монк, есть огромная разница между вами и полицией. Простите некоторую бестактность, но полиция служит обществу и закону, который и определяет ее поведение. Вам же плачу я сама, а потому имею возможность прекратить расследование в тот момент, когда сочту подобное решение обоснованным и соответствующим моральным критериям... чтобы не растравлять рану сестры. Надеюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я подчеркнула это различие?

Куда там — ему лишь польстили ее слова, и он ощутил искорку неподдельного уважения к Джулии Пенроуз.

— Я очень хорошо понимаю вас, мэм. — Сыщик встал. — Закон обязывает меня сообщить о преступлении, если я имею доказательства его совершения, но в случае изнасилования — простите меня за это уродливое слово! — все обстоит иначе. Ведь мы ведем речь именно о таком преступлении?

— Да, — вздохнув, ответила женщина.

— В таком случае дело возбуждает сама пострадавшая, поэтому решение остается за ней. И все факты, которые мне удастся установить, тоже будут находиться в ее распоряжении.

— Отлично. — Посетительница тоже встала, и обручи ее громадной юбки вернулись на место, придав ее фигуре стройность. — Я полагаю, к делу вы приступите немедленно?

— Сегодня же днем, если я смогу повидать вашу сестру. Вы назовете мне ее имя?

— Марианна... Марианна Гиллеспи. Да, сегодня днем будет удобно.

— Вы сказали, что сумели сэкономить из расходов на одежду приличную сумму. Выходит, это событие произошло довольно давно?

— Дней десять назад, — торопливо ответила клиентка. — Муж дает мне деньги раз в три месяца, однако я бережлива, и большая часть суммы осталась с прошлого раза.

— Благодарю вас за подробный ответ, но вам незачем отчитываться передо мной, миссис Пенроуз. Мне просто нужно выяснить, как давно случилось преступление.

— Я хочу, мистер Монк, чтобы вы знали, что я говорю правду. Иначе я не могу рассчитывать на вашу помощь. Мне необходимо ваше доверие.

Детектив вдруг понял, что миссис Пенроуз нравится ему гораздо больше, чем можно было предположить по ее довольно обычному облику: огромные юбки на обручах, в которых так неудобно ходить, опрятный капор, который он ненавидел, белые перчатки, довольно застенчивые манеры... Поспешное суждение — черта, которую он презирал в других, а тем более в себе.

— Ваш адрес? — спросил Монк.

— Гастингс-стрит, четырнадцать.

— Еще один вопрос, — быстро проговорил сыщик. — Поскольку вы сами занимаетесь этим делом, я полагаю, ваш муж не знает о нем?

Женщина закусила губу и снова покраснела:

— Вы правы. И я бы попросила вас по возможности не упоминать об этом при нем.

— Как в таком случае мне объяснить причину своего визита?

Джулия ненадолго задумалась:

— А нельзя ли посетить нас во время его отсутствия? Он уходит на работу в десять утра и возвращается не раньше половины пятого. К тому же мой муж работает архитектором и поэтому часто задерживается.

— Хорошо. Но мне все равно хотелось бы заручиться объяснением на тот случай, если он меня застанет... Чтобы у нас не вышло разногласий.

Клиентка опустила ресницы.

— Ваши слова, мистер Монк, предполагают... какой-то обман. Я не хочу лгать своему мужу. Дело в том, что ситуация весьма сложная, и Марианне будет много легче, если он ни о чем не узнает. Ей предстоит жить в его доме, вы понимаете? — Она бросила на него многозначительный взгляд. — Марианна уже пережила эту драму, и единственная возможность вернуть себе душевный покой — сделать так, чтобы она все забыла. Но как это можно сделать, если всякий раз, садясь за стол, она станет вспоминать, что мужчина напротив знает о ее позоре? Это будет для нее невыносимо!

— Но вы-то знаете об этом, миссис Пенроуз, — заметил Уильям, прекрасно понимая, что в данном случае все иначе.

На лице его собеседницы мелькнула улыбка.

— Я — женщина, мистер Монк. Мне не следует объяснять вам, что это обстоятельство очень сближает нас с сестрой. Марианна не будет стесняться меня, но Одли — дело другое. При всем его благородстве он

всего лишь мужчина, и ничто не может этого изменить.

Подобное заявление не стоило комментировать.

— Так как вы предлагаете мне объяснять свое присутствие в вашем доме? — спросил сыщик.

— Я... не знаю. — Дама на миг смутилась, но быстро собралась с мыслями и оглядела его снизу вверх: худощавое гладкое лицо с пронизательными глазами и широким ртом, элегантная дорогая одежда... Монк все еще носил хороший костюм, который приобрел, когда служил инспектором в лондонской полиции, имея возможность расходовать весь заработок только на себя. Так было до последней жуткой ссоры с начальником Сэмюэлем Ранкорном.

Уильям терпеливо ждал, с любопытством разглядывая посетительницу. Она явно была удовлетворена его обликом.

— Вы можете сказать, что у нас есть общий друг и вы зашли выразить нам свое уважение, — решительным тоном проговорила она.

— И кто же наш друг? — Он приподнял бровь. — Мы же должны будем назвать какое-то имя.

— Пусть это будет мой кузен Альберт Финнистер. Он невысокий, толстый, живет в Галифаксе, где у него есть конный заводик. Мой муж никогда не встречался с ним и едва ли когда-нибудь встретится. К тому же вам не обязательно знать Йоркшир. Вы могли познакомиться с кузеном где угодно. Только не в Лондоне — чтобы Одли не удивлялся, почему он сам не посетил нас.

— Я немного представляю себе Йоркшир, — ответил Уильям, пряча улыбку. — Галифакс вполне подойдет. Я зайду к вам сегодня днем, миссис Пенроуз.

— Благодарю вас. Всего хорошего, мистер Монк.

Наклонив голову, женщина подождала, пока он открывает переднюю дверь, и, по-прежнему держа спину очень прямо, отправилась по Фицрой-стрит к площади, откуда до Юстон-роуд было около сотни ярдов.

Детектив закрыл дверь и вернулся в кабинет. Он недавно перебрался сюда из своей старой квартиры на Грефтон-стрит. Поначалу сыщик жалел, что в дело вмешалась Эстер со своим вечным зазнайством, но когда она пояснила все преимущества своего выбора, Монк вынужден был с ней согласиться. На Грефтон-стрит его комната располагалась на верхнем этаже в глубине дома. Его хозяйка, женщина добрая и заботливая, не одобряла занятий своего жильца частными расследованиями и не желала провожать наверх возможных клиентов. Кроме того, им иногда приходилось встречаться с остальными обитателями дома в холле или на лестничной площадке. Здесь же Уильям устроился куда лучше: дверь открывала служанка и, не спрашивая, кто пришел и откуда, провожала посетителей в весьма respectable гостиную Монка на первом этаже. Так что со временем он оценил все преимущества своей новой квартиры.

Теперь нужно было подготовиться к расследованию обстоятельств насилия, учиненного над мисс Марианной Гиллесли, дела деликатного и тонкого, бросившего значительно больший вызов его способностям, чем пустяковая кража или чья-нибудь сомнительная репутация.

Когда Уильям вышел из дома, солнце стояло уже высоко, поливая мостовую своими лучами, укрыться от которых можно было лишь на тенистых площадях. На небе не наблюдалось ни единого облачка, за исключением легкой дымки от далеких фабричных труб. По мостовой грохотали экипажи, звякала